

УДК 1+ 304.2

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ: ОТ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ К СОЦИАЛЬНЫМ СЕТЯМ¹

Шапиро О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: Shapiro.olha@gmail.com

В статье рассматривается феномен публичной переписки как формат текста в динамике его исторического развития. Выясняется, что при переходе к электронной текстовой культуре смысл текстов исследуемого формата сохраняется, тогда как форма и коммуникативная ситуация, создаваемая текстом, существенно изменяются.

Анализ формы текста включает исследование его стилистики, способов презентации и аргументативной структуры. Последняя представляет наибольший интерес, поскольку напрямую связана с изменением коммуникативной ситуации: включаясь в коммуникативный процесс, читатель получает возможность выразить свое (не)согласие с аргументацией автора и вступить в дискуссию по теме текста.

Исследование аргументативных структур публичной переписки в статье проводится с позиций авторского прагма-аналитического подхода, который в свою очередь базируется на идеях американского логика и философа М. А. Финокьяро. Вслед за ним для выявления аргументативных структур мы используем диаграммы; кроме того, эмпирическое исследование переписки в рамках электронной текстовой культуры мы можем дополнить методом опроса и статистическим анализом данных, который позволяет провести функционал коммуникативно-ориентированных сайтов. В результате исследования мы приходим к выводу о существенном изменении аргументативного потенциала текста с переходом к электронной текстовой культуре, что в свою очередь заметно влияет на его прагматические характеристики.

Ключевые слова: переписка, публичный текст, виртуальная коммуникация, формат, текстовая культура, аргументация, прагма-аналитический подход.

Все большее место в жизни человека занимает интернет-коммуникация: личное общение, деловые контакты, потребность в свежей и подробной информации в самых разных сферах жизни все чаще реализуются в Сети. При этом использование Интернета как основной среды текстовой деятельности – и как глобального хранилища текстов, и как места текстовой самореализации автора и/или критика – становится причиной перехода к новому типу текстовой культуры. Сама текстовая культура как способ «производства, хранения и трансляции

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

текстов»[7, с. 140] – явление историческое, смена актуальной текстовой культуры обычно связана с появлением новых технологий, однако технические изменения здесь влекут за собой трансформации и содержательного, смыслового характера. Каждая текстовая культура предлагает потенциальному автору текстов набор форматов [7, с. 142], определяемых тремя базовыми критериями: 1) обстоятельствами порождения текста (культурный контекст и цель создания этого текста); 2) коммуникативной ситуацией, порождаемой текстом (связь между автором и читателем, топология читателя в тексте); 3) формой текста (жанровые, стилистические, аргументативные и пр. особенности).

В истории трансформации текстовой культуры мы можем отметить две узловые точки – возникновение письменности и изобретение печатного станка, обозначившие соответственно формирование письменной и печатной текстовых культур. Сегодня мы переживаем сопоставимый по значимости сдвиг – переход к электронной текстовой культуре, когда большая часть текстов хранится на цифровых носителях, а главным ресурсом трансляции этих текстов оказывается Интернет, представляющий собой одновременно глобальное текстовое хранилище и живую коммуникативную среду.

Подавляющее большинство форматов виртуальной коммуникации представляют собой письменные сообщения ограниченной длины, предполагают явное или имплицитное выражение реакции одного или многих адресатов и провоцируют полемику. Массовость (во всех смыслах этого слова) таких форматов обуславливает и их социальное значение, и остроту потребности в их детальном исследовании.

Я полагаю, что прообразом большей части виртуальных коммуникативных форматов является формат письма. При этом мы можем разделить весь массив переписки на переписку личную и публичную; в современном виртуальном пространстве традиционной личной переписке соответствуют личные сообщения, которые позволяют отправлять большая часть сервисов (mail, социальные сети, скайп и пр.), а публичной – публичные высказывания в социальных сетях, на форумах, в блогах и пр. коммуникативно-ориентированных сайтах.

В этой статье я буду касаться только публичной переписки, моей целью будет выяснение особенностей исторической трансформации исследуемого формата. Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, попробуем выяснить, что привносит в эпистолярный формат текста феномен публичности, каковы истоки формирования формата публичной переписки, что происходит с базовыми параметрами эпистолярного формата при его исторической трансформации, как отражается (если вообще отражается) изменение формы текста на понимании его смысла.

Проникновение личной переписки в публичную сферу

Изначально письма не имели того личностного значения, которое мы привыкли им придавать. Ю. Хабермас пишет: «Когда современная почтовая связь только появилась, письма служили главным образом для пересылки “новых газет”, но со временем стали использоваться также для научной корреспонденции и для

семейного обмена любезностями» [9, с. 103]. Даже эти семейные письма были строго формализованы, стилистически выверены и содержали набор стандартных фраз, а не лично значимые откровения. Только позже, «в эпоху сентиментальности... Дневник становится письмом, адресованным отправителю. Рассказ от первого лица превращается в беседу с самим собой, предназначенную чужим получателям» [9, с. 104]. Именно такое отношение к традиционной личной переписке как к глубокому доверительному общению тет-а-тет сохранилось и в наши дни; это наблюдение подтверждают и эмпирические исследования [12].

Выход личного письма в публичное пространство мы можем связать с возникновением книгопечатания. Это – старт возникновения новой текстовой культуры и смены типа рациональности [16], которая привела к использованию иного типа аргументации в научных текстах – «формального доказательства» вместо «независимой аргументации», согласно С. Тулмину. Однако что представляли собой научные тексты того времени?

А. Гросс, Дж. Хармон и М. Рейди провели case-study научных статей от XVII в. до современности [15]. Они отмечают, что первыми статьями стали личные письма ученых друг другу, содержащие настолько важные научные идеи, что принимались решения придать их гласности. Т. е. научная статья как формат научного текста возникает из личной переписки, перенесенной в публичное пространство. Эту же идею подтверждает и Д. Дж. С. Прайс: «Современная научная литература начинается как раз с писем к вполне реальным людям, к аббату Мерсенну в Париже или к Генри Ольденбургу в возникающем Лондонском Королевском Обществе» [5, с. 93].

Со временем письмо все более вторгается в сферу публичности: «Письма не только дают прочесть чужим людям, разрешают сделать с них рукописную копию. Иногда содержание переписки изначально предназначено для печати – в Германии это подтверждается примерами Геллерта, Глейма и Гете» [9, с. 104]. Эта изначальная предназначенность для публики предполагает существенное отличие как в аргументативном потенциале, так и в смысловой наполненности письма.

Что изменяется в смысле переписки в момент перехода ее в пространство публичности? Х. Арндт пишет, что «далеко не все равно, осуществляется ли та или иная деятельность приватно или публично. <...> деятельность изменяет свое существо смотря по тому, занимаются ли ею приватно или публично, причем в весьма высокой степени...» [1, с. 62]. В случае с перепиской я полагаю, что ключевое различие между приватными и публичными текстами лежит в прагматической плоскости: если в личном письме весь аргументативный потенциал автора направлен непосредственно на адресата, то в публичной переписке он разделен между декларируемым адресатом письма и публикой (читателем). Смысл же всей дискуссии теперь заключается в придании гласности обсуждаемым проблемам, т. е. в намеренной публичности, характерной для публицистического формата текста² (тогда как раньше смысловым центром переписки являлось либо

² Подробнее про публицистический формат текста см. [8]

содержание обсуждаемых вопросов, либо демонстрация своего отношения к адресату).

Эти особенности характерны и для традиционной публичной переписки, и для ее виртуальных преемников. Однако мы можем говорить и о целом ряде отличий, которые связаны с изменением коммуникативной ситуации, создаваемой текстом. В первом случае в переписке участвуют двое (или несколько) авторов, а читатели остаются как бы за кадром коммуникации, хотя одновременно являются адресатом аргументации; во втором случае происходит непосредственная коммуникация, активным участником которой может стать каждый. Сдвиг же специфики коммуникативной ситуации приводит и к интересующему нас сдвигу в форме текста. В ее исследовании мы вслед за Гроссом, Хармоном и Рейди [15] будем обращать внимание на 3 базовых компонента: стилистику текста, способ презентации (связанный со структурными особенностями текста) и собственно аргументацию, которую мы будем анализировать с прагма-аналитических позиций³.

Публичные дискуссии на страницах периодических изданий

Публичную переписку XIX–XX вв. не всегда легко идентифицировать. Однако именно к этому формату мы можем отнести большую часть дискуссий, которыми изобилует пресса того времени (в том числе научная). Так, если говорить о русскоязычной прессе, то российские и эмигрантские журналы XIX века позволяют нам восстановить полемику западников и славянофилов; можем мы отыскать и полемические выпады самих изданий в адрес друг друга («Московский телеграф», в частности в лице Белинского, полемизирует с изданиями Булгарина и Греча, такими как «Северная пчела»; известен и полемический характер журнала «Современник», и заметка Самарина «О мнениях Современника»; в XX веке издается «Переписка из двух углов» В. Иванова и М. Гершензона и пр.) [2]. Однако временами авторами используется и эпистолярный жанр (напр., Герцен «Письма из Франции и Италии»). Мы далее будем говорить о том варианте публичной переписки, в котором сохраняется внешняя форма письма.

Для детального анализа формы публичных писем обратимся к case study. Возьмем два разноплановых случая: при серьезных отличиях в обстоятельствах порождения текста (как ситуативных, так и связанных с культурно-историческим контекстом) их форма остается во многом сходной:

1. Открытые письма В. Лосского и прот. С. Четверикова Н. А. Бердяеву и его (Бердяева) ответы на оба письма; опубликованы все 4 текста подряд в одном номере журнала «Путь» (1936 г.) [3]. Начало этой переписки было положено личным письмом Бердяева Лосскому, содержащим отказ в публикации в «Пути» документа фотиевского братства. Видя причину отказа в глубоком расхождении в позициях, Лосский посчитал необходимым вынести дальнейшее обсуждение этого расхождения в публичное пространство, как бы апеллируя ко мнению общественности.

³ Подробнее о теоретических основаниях прагма-аналитического подхода см. [11]

2. Переписка У. Эко с кардиналом К. М. Мартини в конце XX в. на страницах журнала «Либерал» (в каждом очередном номере журнала публиковалось одно письмо; отдельной книгой переписка вышла впервые в Риме в 1996 г.) [13]. Она была «заказана» самим журналом: редактор пригласил Эко и Мартини обменяться мнениями по поводу этических и религиозных вопросов. Изначально было ясно, что собеседники будут придерживаться различных – т. е. светской и религиозной – точек зрения; однако в результате переписки почти сразу обозначилось, что авторы не столько пытаются склонить читателей на свою сторону, сколько ищут общий фундамент для своих позиций, который бы оказался приемлемым как для светского, так и для религиозного читателя.

Стилистически публичная переписка выглядит промежуточным жанром между текстами художественными и научно-популярными: используется терминология гуманитарных наук, ссылки на первоисточники, четко структурированная аргументация; в пользу художественного текста свидетельствует наличие ярких образов, использование аналогий и метафор. Что касается презентации, то мы имеем дело с небольшими по объему текстами (по крайней мере, меньшими, нежели стандартная научная статья), не разделенными на параграфы и не имеющими жесткой структуры. В текстах используются этикетные формулы приветствия и прощания, обращенные не к читателю, но к единственному уникальному адресату.

Самая интересная часть формы текста – его аргументативная структура. Мы будем анализировать ее с позиций прагма-аналитического подхода, который в свою очередь опирается на идеи метааргументации М. Финокьяро: вслед за ним мы будем использовать для анализа аргументативных схем метод диаграмм [14, с. 20–22], вписывая в качестве узлов диаграммы аргументативные макроструктуры (тезис, аргументы, квазиаргументативные средства). При этом при переписке мы будем моделировать диаграмму для каждого письма в отдельности и сопоставлять их, выделяя подтверждающие и опровергающие связи между элементами аргументативного гиперязыка на разных этапах переписки.

Для моделирования мы возьмем 2 последних письма из переписки У. Эко и К. М. Мартини. Выделим Т (тезис), А (аргументы) и КА (квазиаргументативные средства). Позволим себе не соблюдать точные формулировки авторов для краткости и ясности передачи аргумента.

К. М. Мартини. Где верующий находит просвещение [13, с. 95–104]?

Т: необходимо признать трансцендентальные основания этических установок даже у светских людей.

А1: невозможно сформулировать нерелигиозное основание для моральных поступков.

А2: закон или власть не способны сами по себе побудить человека к самопожертвованию.

А3: мирская этика требует основания, чтобы ее нормам не грозила «смутность и неопределенность».

А4: разные религии могут прийти к «общему знаменателю» благодаря тому, что все они ищут основания в трансцендентном.

A5 (восстановлен из энтимемы): Светская этика не покоится на трансцендентных основаниях, однако приходит к тем же (или близким) моральным нормам, что и религиозная этика.

Аб: Светская этика заменяет Божественный Абсолют как этическое основание на концепцию «Другого». Но ее не может быть достаточно без трансцендентального обоснования!

КА1: риторические вопросы как способ формулирования тезиса и большинства аргументов.

КА2: позитивный вариант *ad hominem*: заверения в личном опыте общения с нерелигиозными людьми, придерживающимися строгих моральных принципов.

У. Эко. Нравственность рождается в присутствии другого [13, с 105–119].

Т: Нравственное основание неверующего – в признании Другого, и оно прочнее даже религиозной веры. Естественные принципы этики «врезаны» в наши сердца (т. е. фактически это антитезис к тезису К. М. Мартини; таким образом, имеет место непрямая критика аргументации).

A1: религиозные нормы тоже не удержали многих верующих от греха: ни одна основа не является непоколебимой.

A2: в качестве основания может быть достаточно просто «любви к другим» или стремления сделать мир (электронную вселенную, Субстанцию и пр.) более гармоничным.

A3: наличие или отсутствие веры – не признак (а)морального поведения.

A4: нерелигиозная вера бескомпромиссна, поскольку не предполагает прощения за аморальные поступки.

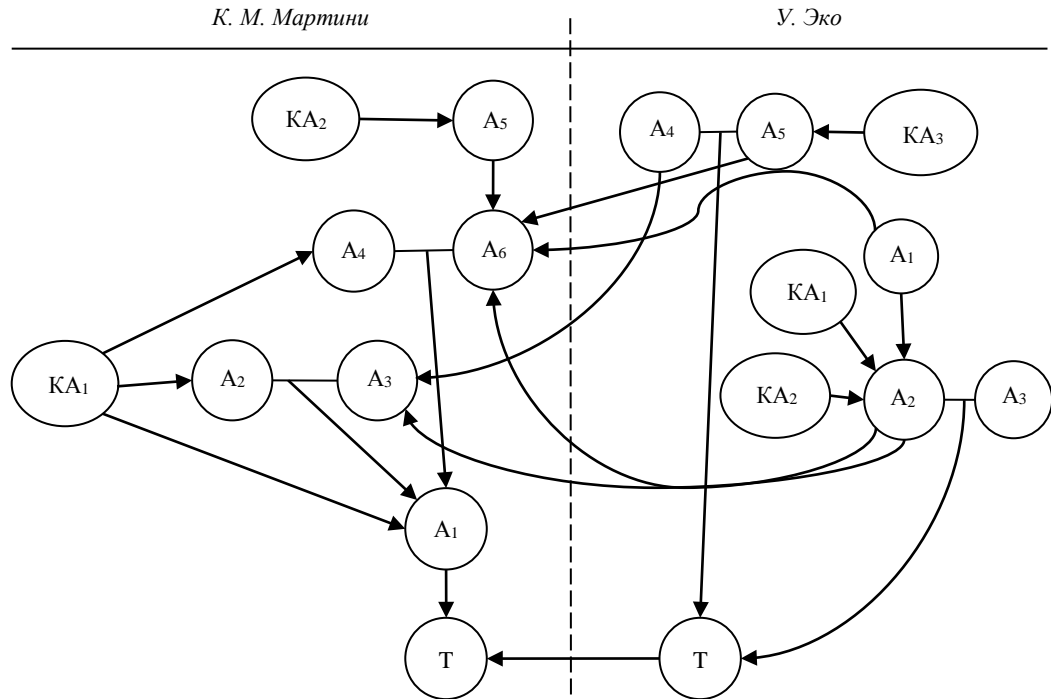
A5: даже нерелигиозный человек может вдохновляться примером Христа.

КА1: история про папу Иоанна (аргумент к авторитету, при этом эмоционально значимый).

КА2: пример личной беседы с коммунистом.

КА3: апелляция к эмоциям («представьте себя на минуту неверующим человеком»).

Изобразим связь между этими аргументами на карте, где стрелочки внутри одной стороны диаграммы будут обозначать поддержку, а стрелочки, соединяющие две стороны диаграммы, – критику (атаку):

Мы видим сложную систему аргументации: и тезис Мартини, и антитезис Эко подкрепляются двумя сходящимися блоками связанной аргументации; при этом оба автора используют набор корректных квазиаргументативных средств, а аргументы Эко не только подтверждают антитезис, но и атакуют аргументы Мартини (т. е. одновременно проводится критика и тезиса, и аргументации).

Наш пример репрезентативен. Такого же рода (а временами и намного сложнее) аргументативные схемы используются в традиционной публичной переписке повсеместно. Но сохраняются ли они в современной электронной текстовой культуре?

Виртуальная публичная коммуникация и ее разновидности

Виртуальными преемниками публичной переписки можно считать открытые дискуссии на платформах социальных сетей, блогов и пр. – т. е. тех типов интернет-ресурсов, которые мы можем условно назвать коммуникативно-ориентированными [10]. Сегодня их исследования крайне популярны, но преимущественно среди филологов и психологов; мы же будем говорить о логико-философских проблемах виртуальной коммуникации.

Переход публичной привел к трансформации «стандартного ролевого набора» коммуникации: вместо двух авторов и молчаливой публики мы получаем неограниченное количество активных участников, которые могут добавлять комментарии в дискуссию; кроме того, читатели могут обозначать свою позицию,

ставя «лайк» (отметку «нравится») под теми высказываниями, с которыми согласны. Такая «массовизация» публичной переписки в совокупности со спецификой функционала используемых для переписки ресурсов привела к изменениям всех трех аспектов формы текста.

1) Стилистически произошел сдвиг с пользой так называемой устно-письменной речи [4], допускающей неформальное обращение к собеседнику и сленг. Представляется, что причиной такого изменения стало отсутствие временной дистанции между репликами переписки, в силу чего она начинает имитировать живую речь; снижение же «официоза» связано как со спецификой компьютерно-опосредованной коммуникации (когда за монитором «не видно» социального статуса собеседника), так и с неформальным в целом самопозиционированием коммуникативных сайтов. Стандартные сообщения обычно значительно короче, чем письма в традиционной публичной переписке, и представляют собой чаще реплики, нежели полноценные ответы.

2) Презентация связана с особенностями дизайна сайта и может варьироваться в нюансах. Обычно существует «стартовое сообщение», под которым дописываются комментарии (при большом их количестве они сразу отображаются не все, а только первые/последние/популярные); в большинстве случаев доступно также комментирование комментариев. Эта особенность провоцирует разворачивание внутри переписки нескольких веток дискуссии, которые развиваются параллельно и независимо друг от друга.

3) Аргументативная структура ответов оказывается более простой, по сравнению с традиционной версией публичной переписки – в силу краткости ответов, которые зачастую касаются только одного аргумента/квазиаргумента/тезиса начального сообщения. При этом различные ветки комментариев атакуют (или, наоборот, подтверждают) различные (квази)аргументы автора.

В этой связи иначе будут выглядеть и аргументационные диаграммы для электронной версии публичной переписки. Вместо двух полноценных карт мы получаем одну карту стартового сообщения и атакующие/подтверждающие ее множественные высказывания различных авторов.

В качестве case study проанализируем сообщение известного в русскоязычном пространстве сети FaceBook блогера Жюли Реше «Из жизни девчочковоподобных философов» и несколько «верхних» комментариев (принадлежащих трем различным пользователям).

Т: девчочковое тело – оптимальный носитель философствования.

А₁: если ты девчочка, то тебя не воспринимают всерьез.

А₂: если тебя не воспринимают всерьез, ты можешь не бояться быть уличенным в том, что чего-то не знаешь.

А₃: не боясь быть уличенным в незнании можно усомниться в важности самых признанных теорий, а это – условие философствования.

КА₁: я сама не воспринимала себя всерьез, и это знание было трагическим (апелляция к эмоциям).

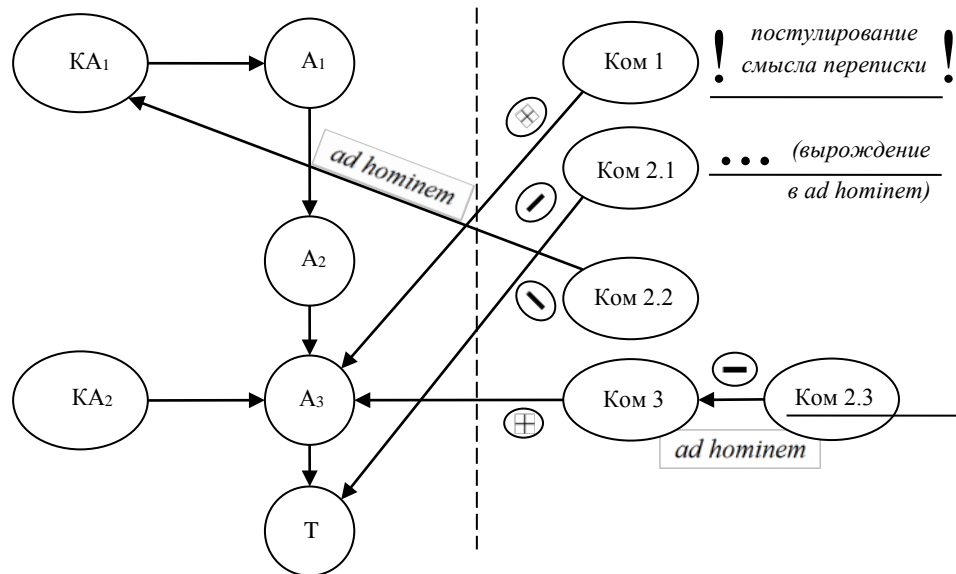
КА₂: я осознала это, сравнительно поумнев (вариация *ad hominem*, направленного на саму себя, – будем называть это «рефлексивным *ad hominem*»).

Ком 1: согласие с А₃ (В ответ на согласие комментатор получает формулировку смысла публичной переписки: «Я это знаю, вопрос в том, насколько это понимают другие»).

Ком 2.1: несогласие с Т (ветка вырождается в *ad hominem*).

Ком 2.2: *ad hominem*, направленные на КА₁.

Ком 3: согласие с А₃ (в ответ Комментатор 2 сводит все к вырождению в *ad hominem*).

Мы видим достаточно простую серийную аргументацию в стартовом тексте; тексты-ответы представляют собой скорее атавизмы от традиционной публичной переписки – каждый ответ содержит поддержку или критику только одного (квази)аргумента, при этом позволяя использовать себе некорректную уловку аргументации *ad hominem*. То есть в целом с точки зрения аргументативных структур публичная переписка, содержащаяся в социальных сетях, примитивизируется. Однако наличие большого количества комментариев и веток обсуждения, происходящего параллельно, говорит нам о том, что при попытке отобразить все их на одной карте мы получим чрезвычайно сложную и запутанную схему.

Прагма-аналитический подход предполагает кроме структурного еще и прагматическое исследование текстов, заключающееся в анализе «текстов-ответов» на исходный (анализируемый) текст. В случае с традиционной перепиской такой подход предполагает масштабное историко-философское исследование; однако в рамках виртуальной коммуникации возникает специфический функционал, позволяющий делать прагматический анализ текста на основании статистических

данных сообщения – а именно количества «репостов» (размещений стартового сообщения на своей странице другими пользователями; причем каждый такой «репост» может спровоцировать новую волну обсуждений, зачастую уже без участия автора стартового поста), «лайков» и комментариев. Мы будем исходить из того, что чем выше эти количественные показатели, тем выше коммуникативная эффективность поста/комментария. Так, анализируемый нами пост Жюли Реше собрал 359 «лайков», 12 «репостов» и спровоцировал 33 ветки комментариев, что является высоким показателем для социальной сети FaceBook и может свидетельствовать об актуальности освещенной в сообщении теме и эффективности (убедительности) авторского текста при его одновременной высокой провокационности. Полагаю, смыслом подобного рода провокационных сообщений можно считать возникновение полемики и, таким образом, привлечение публичного внимания к «острой» теме.

Итак, сопоставляя традиционную и виртуальную публичную переписку, мы приходим к таким выводам: 1) смыслом (и целью) публичной переписки в обоих случаях является привлечение общественного внимания к проблеме; 2) традиционная публичная переписка носит привилегированный, а виртуальная – массовый характер участия; 3) традиционная публичная переписка предполагает использование авторами текстов более сложных аргументативных структур, а электронная представляет собой ризому из многочисленных подветок комментирования и имеет более совершенный механизм выражения (не)согласия с автором его непосредственного читателя; 4) аргументативный потенциал текстов в обоих случаях направлен не только на непосредственного собеседника, но и на «незаинтересованного читателя».

Список литературы

1. Арндт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арндт ; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. – СПб.: Алетей, 2000. – 437 с.
2. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Западова А. В. – М.: Высшая школа, 1973. – URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Лосский В. Письмо В. Лосского Н. А. Бердяеву; прот. Сергей Четвериков. Открытое письмо Н. В. Бердяеву; Н. А. Бердяев. Об авторитете, свободе и человечности / В. Лосский, прот. С. Четвериков, Н. А. Бердяев // Путь. – 1936. – № 50. – С. 27–49.
4. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 71. – С. 58–65.
5. Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее / Д. Дж. де С. Прайс // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1978. – С. 93–109.
6. Реше Жюли. Из жизни девчонковоподобных философов [Электронный ресурс] / Ж. Реше – Режим доступа: <https://www.facebook.com/julie.reshe/posts/1487819361253269?pnref=story>.
7. Рыскельдиева Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований / Л. Т. Рыскельдиева // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 136–153.
8. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовый подход в социальной философии / Л. Т. Рыскельдиева, Ю. М. Коротченко // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том 51. – № 1. – С. 153–170.

9. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.
10. Шапиро О. А. Массовая коммуникация в on-line измерении: смена парадигмы / О. А. Шапиро // Вісник національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2013. – № 2. – С. 57–65.
11. Шапиро О. А. О понятии аргументативного языка: прагма-аналитический подход / О. А. Шапиро // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 15–22.
12. Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. Трансформация эпистолярного жанра в современной текстовой культуре / О. А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 257–265.
13. Эко У. и Мартини К. М. (кардинал) Диалог о вере и неверии / Эко У., Мартини К.М. ; Пер. с ит. (Серия «Диалог»). – 2-е изд. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 144 с.
14. Finocchiaro, Maurice A. Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory. London: College Publications, 2013. 279p.
15. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
16. Toulmin S. Return to Reason. – Harvard University Press, 2003. – 243 pp.

Shapiro O. A. Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 30–41.

Annotation. The article deals with the phenomenon of public correspondence as a text format in the dynamics of its historical development. It turns out that when you switch to an electronic text culture, the purpose of the texts is preserved, whereas the form and the communicative situation created by the text vary significantly; the circumstances of the text generation vary in the traditional version of this format.

Text form analysis includes research of its stylistics, presentation modes and argumentative structure. The last one is the most interesting because of its connection with communicative situation changes: being included in the communicative process, a person gets an opportunity to express his (in)compliance with author's argumentation and join the discussion on the text topic.

Research of the public correspondence argumentative structures is conducted from the pragma-analytical approach, which is based on the M.A. Finocchiaro's ideas. After him we use diagrams for argumentative structures revealing; besides we can complete the empirical study of correspondence in the electronic textual culture with the interview method and data statistical analysis. As a result of our research we come to conclusion that transition to the electronic textual culture leads to the significant changes in the text argumentative potential, which influences its pragmatical characteristics.

Key words: correspondence, public text, virtual communication, format, textual culture, argumentation, pragma-analytical approach.

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili O dejatel'noj zhizni. [Vita Activa, or About Active Life]. Sankt-Petersburg, Aletejja, 2000, 437p.
2. Istorija russkoj zhurnalistiki XVIII-XIX vekov [History of Russian Journalism of the XVIII-XIX Centuries]. Moscow, Vysshaja shkola, 1973. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
3. Losskij V. Pis'mo V. Losskogo N.A. Berdjaevu [Lossky's letter to Berdjaev]; prot. Sergij Chetverikov. Otkrytoe pis'mo N.V. Berdjaevu [The Open Letter to Berdjaev]; N.A. Berdjaev. Ob avtoritete, svobode i chelovechnosti [On Authority, Freedom and Responsibility]. Put' [The Way], 1936, № 50, pp. 27–49.

4. Lutovinova O. V. Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii [Internet as a New "Oral and Written" Communication]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical Herzen University], 2008, V. 71, pp. 58–65.
5. De Solla Price, D. J. Tendencii v razvitii nauchnoj kommunikacii – proshloe, nastojashhee, budushhee [Trends in the Development of Scientific Communication – Past, Present and Future]. Kommunikacija v Sovremennoj nauke. Sbornik perevodov [Communications in Modern Science. Collection of Translations]. Moscow, Progress, 1978, pp. 93–109.
6. Reshe Zhjuli. Iz zhizni devochkovopodobnyh filosofov [From the Life of the Girl-like Philosophers]. Available at: <https://www.facebook.com/julie.reshe/posts/1487819361253269?pnref=story>
7. Ryskel'dieva L.T. Tekstovaja kul'tura kak ob'ekt istoriko-filosofskih issledovanij [Textual Culture as an Object of Study in the History of Philosophy]. Filosofskij zhurnal [Philosophical Journal], 2017, T. 10, № 1, pp. 136–153.
8. Ryskel'dieva L.T., Korotchenko Ju.M. Tekstovyy podhod v social'noj filosofii [Textual Approach in Social Philosophy]. Jepistemologija i filosofija nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2017, Tom 5, № 1, pp. 153–170.
9. Habermas Ju. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: Issledovanija otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. S predislovijem k pereizdaniju 1990 goda [The Structural Transformation of the Public Society. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. With the preface to the 1990 re-issue]. Moscow, «Ves' mir», 2016, 344p.
10. Shapiro O.A. Massovaja kommunikacija v on-line izmerenii: smena paradig [Mass Communication in On-line Measurement: Paradigm Shift]. Visnik nacional'nogo universitetu «Juridichna akademija Ukraini imeni Jaroslava Mudrogo» [Bulletin of the National University "Yaroslav the Wise Law Academy"]. 2013, №2, pp. 57–65.
11. Shapiro O.A. O ponjatii argumentativnogo jazyka: pragma-analiticheskij podhod [On the Argumentative Hyperlanguage Notion: the Pragma-analytical Approach]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, № 38, pp. 15–22.
12. Shapiro O.A., Shkorubskaja E.G. Transformacija jepistoljarnogo zhanra v sovremennoj tekstovoj kul'ture [The Transformation of the Epistolary Genre in Modern Textual Culture]. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture]. 2016, № 4(49), pp. 257–265.
13. Eco U., Martini K. M. (kardinal) Dialog o vere i neverii [Dialogue about Faith and Unbelief]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2007, 144 p.
14. Finocchiaro, Maurice A. Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory. London: College Publications, 2013. 279p.
15. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. – New York: Oxford University Press, 2002. – 267p.
16. Toulmin S. Return to Reason. – Harvard University Press, 2003. – 243 pp.